

A green line graph is plotted on a white background. A vertical black line is positioned in the center. The green line starts from the left, moves horizontally to the right, then rises sharply to a peak, crosses the black line, falls sharply to a trough, crosses the black line again, and finally moves horizontally to the right. The text 'ВЯЧЕСЛАВ ЛАНДЫШЕВ' is located above the peak, and 'ЕСТЬ ТОЛЬКО МИГ' is located below the trough.

ВЯЧЕСЛАВ ЛАНДЫШЕВ

ЕСТЬ ТОЛЬКО МИГ

Вячеслав Ландышев

Есть только миг

«Автор»

2014

Ландышев В. В.

Есть только миг / В. В. Ландышев — «Автор», 2014

Трое давних друзей встречаются через десять лет после окончания института и решают отправиться в поход на байдарках по тайге. С собой в плавание они приглашают девушек, и в диких живописных местах зарождается великое чувство любви. Однако развитию страстных и пылких отношений неожиданно мешают драматические обстоятельства, кардинальным образом повлиявшие на дальнейшую судьбу главных героев.

© Ландышев В. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Вячеслав Ландышев

Есть только миг

События выдуманы, а любое сходство фамилий и имен персонажей с реальностью совершенно случайно.

Глава 1

Встреча старых друзей

Самолет неожиданно выключил двигатели, завис на мгновение в метре над землей и через несколько бесшумных секунд тяжело встретился с полотном аэропорта «Курумоч», расположенного примерно посередине между городами Тольятти и Самара.

– Оля, а до Самары, сколько ехать от аэропорта? – обратился высокий русский парень к красивой курносой блондинке, сидевшей рядом с ним в салоне самолета.

– Это, Павел, смотря на чем добираться, – ответила девушка, – На автобусе за час можно доехать, а на маршрутке или на машине – минут за 30–40.

– Ого! Чтож так далеко аэропорт от города разместили? Вроде равнина, гор нет, могли бы и поближе построить, – рассуждал вслух Павел, прищуривая свои большие серые глаза от ярких солнечных лучей, пробивающихся через иллюминатор.

– Не знаю, почему так. Может быть для того, чтобы до аэропорта было удобно добираться и самарцам, и тольяттинцам.

– А до Тольятти сколько отсюда?

– Да, примерно так же, как и до Самары. Между городами где-то 70 километров, – ответила Ольга.

– Ну, так это совсем рядом. Наверное, часто в Тольятти бываете?

– Что там делать? Мне Тольятти не нравится, – поморщила девушка нос, – Промышленный город, исторических зданий почти нет. Заводы, фабрики и спальные районы. И тольяттинцы, кстати, мне тоже не нравятся.

– А почему в Тольятти нет исторических зданий? Неужели такой огромный автомобильный завод построили прямо в чистом поле? – удивился парень.

– Ну не совсем так, – ответила девушка, – Раньше здесь был город Ставрополь. Он располагался вдоль Волги, но когда построили плотину, то все дома затопило, и Тольятти продолжили строить уже намного выше.

– Понятно. А тольяттинцев почему не любите?

– Не знаю почему, – задумалась попугайка, – Как-то так сложилось еще со школы. Хотя у меня и знакомых то в Тольятти нет, чтобы судить – какие они люди. Но самарцев они не жалуют, а мы – их в ответ. Может быть из-за того, что Самара – столица области, а значительная часть денег находится в Тольятти. Мы считаем себя столичными жителями, а тольяттинцев чужаками на этой земле. А они, наоборот, полагают, что раз деньги у них, и Самара беднее, то они являются тузами в области, – хмыкнула Ольга.

– Забавно. А я ни в Тольятти, ни в Самаре еще не был и города сравнить объективно, конечно, не смогу. Но одно могу сказать точно – судя по Вам, в Самаре очень даже красивые девчонки.

– Вы меня, Паша, совсем комплиментами в полете задарили. Я даже смущаться начала, – улыбнулась Ольга и благодарно посмотрела на соседа своими огромными голубыми глазами.

– Комплимент в переводе с французского – это лесть. А я Вам чистую правду говорю. Вы очень красивы, Оля.

– Спасибо за Вашу правду. Если это, все-таки, лесть, то впрочем, за нее тоже благодарю. Девушкам всегда приятно слышать, что они нравятся мужчинам.

– Может быть, все-таки покажете мне сегодня вечером свой самарский городок? Я в таком случае еще столько правды о Вашей красоте поведаю, – заулыбался парень.

– Нет, я не могу, извините. Но не расстраивайтесь, у нас очень много красивых девочек вечером на городском пляже гуляет, и Вы с вашей коммуникабельностью и храбростью легко себе подружку на время отпуска найдете.

– Эх, как жаль, Оленька, что Вы отказываете мне во взаимности. Ночью теперь не усну. Мне ведь не на отпуск, а на всю жизнь девушка нужна. Может, телефончик хотя бы оставите? – с наигранной жалостью посмотрел парень на непреклонную красотку.

– Нет, Павел. Незачем это, – ответила блондинка и встала с кресла. Пассажирам разрешили выходить из салона.

* * *

В здании аэровокзала Павла встретил стройный, среднего роста загорелый брюнет лет 32–35. Он был коротко подстрижен и одет в голубые джинсы и белую обтягивающую футболку, через которую четко вырисовывался рельеф грудных мышц и бицепсов, свидетельствующих о том, что их обладатель проводит в тренажерном зале несколько часов в неделю. Его лицо озарила широкая улыбка, а в карих глазах засверкали счастливые огоньки, когда он увидел Павла.

– Ну, здравствуй, Санек, – радостно сказал ему Павел.

– Здравствуй, дорогой. Как долетел? – поприветствовал его брюнет и обнял своего старого друга.

– Спасибо. Нормально. Жаль, только знакомство с одной местной красавицей сорвалось. А то я бы навел шороха в вашем поволжском провинциальном городке.

– Ты, как всегда, не пропустишь мимо себя ни одной юбки, – усмехнулся Александр.

– Нет, ты знаешь, я теперь, наверное, состарился и можно сказать, что пристаю только к красивым юбкам, остальных отпускаю нетронутыми.

– Что-то с трудом в это верится. И не заметно, что ты состарился за последние десять лет. Вот только живот зря отпустил. Ай-яй-яй, как не стыдно бывшему спортсмену.

– Не живот, а животик. Я ведь сейчас Генеральный директор. А такой должности, сам понимаешь, живот положен по штату, как неотъемлемый атрибут, – засмеялся Павел.

– Да, я слышал от Ивана, что ты у нас теперь крутой мужик. «Генеральный – это звучит гордо», – так, по-моему, один из классиков писал?

– Чудило ты, Саня. Классик писал: «Человек – это звучит гордо».

– Ладно, генеральный человек, пойдем к машине. А то Иван дома, наверное, заждался.

– А что, разве Ваня уже прилетел? – удивился Павел.

– Да. Он взял отгул на два дня и прибыл еще вчера. А сегодня с утра я отвез его на рынок, чтобы он мяса купил и замариновал его для шашлыка. Так что к приезду генерального все будет в полном ажуре.

– Супер! Вот это здорово! Чтож тогда мы здесь балякаем, если где-то уже шашлык поспевает. Мой директорский животик давно уже хочет нормальной еды, а не полетно-пролетных бутербродов. Хе-хе-хе.

– Поехали-поехали, Проглот Батькович. Узнаю своего старого друга. Первым делом еда и девушки, а потом уж самолеты.

– Да, но заметьте, это мой единственный недостаток, – картинно опустил глаза вниз Паша. – Ну, может быть, еще я чересчур скромный, а во всем остальном – почти идеал мужчины средних лет.

Александр ничего не сказал, а только ухмыльнулся, покачивая головой и размышляя: «Ну что с ним поделаешь? Каким был самовлюбленным раздолбаем десять лет назад, таким и остался». Затем, забрал сумку у друга и предложил пойти к автостоянке.

По сравнению с питерским «Пулково» откуда прилетел Павел, в аэропорте «Курумоч» было пусто. Людей в зале прибытия почти не оказалось, впрочем, как и машин на автостоянке, поэтому Павел без труда догадался, что они идут к одиноко стоящему под тенью деревьев черному автодорожнику «Хонда».

– Твоя красавица? – спросил Паша, кивая в сторону машины.

– Да, моя. В прошлом году приобрел.

– Нулевую?

– Нет, с пробегом. Пять годиков уже этой ласточке. На новую пока не заработал, но уже хочу. Тем более, недавно увидел в автомобильном журнале свежую модель этого джипа и сразу загорелся.

– А почему именно джип? И почему Хонда?

– В Японии говорят: «Тойота – это наше достижение, а Хонда – это наша гордость». Хотя, думаю, любая японская машина надежная. Мне по дизайну год назад именно Хонда понравилась за те деньги, которые я имел в наличии, поэтому ее и купил.

– Ой, да брось, Саня. Я примерно знаю, сколько эта машинка стоит. За такие деньги можно найти подешевле кучу хороших тачек. Зачем тебе именно полноприводный внедорожник? Понты, да?

– Конечно, на джипе престижней ездить, я этого не отрицаю. Но джип, скорее, мне нужен не из-за понтов, а просто подъезд к моему дому с крутым наклоном, и зимой по снегу на обычной машине можно застрять, а за рулем этого трактора я не переживаю. Врубил все четыре колеса и кури себе, пока он на горку не вылезет, – сказал Александр, открывая заднюю дверь машины и укладывая вещи в багажник, – Ну и кроме этого, я люблю выезжать на природу. Терпеть не могу праздники с застольями в ресторанах или на квартирах, а вот барбекю на природе обожаю.

– О, здесь я тебя полностью поддерживаю. Лучше джипа для барбекю ничего нет. Хе-хе-хе. Правда, я слышал, что наш Уазик по проходимости лучше всех этих заморских паркетников. Его даже козлом в народе кличут, потому как скачет по лесу через бревна, как козел.

– Да, я тоже слышал, что наш Уазик там пройдет, где остальные джипы вязнут. Но здесь, Паша, вступает в силу второй довод – престижность автомобиля. А япошки у нас, сам знаешь, покруче считаются российских машин.

– Ага! Все-таки, понты. Быстро я тебя на чистую воду вывел?

– Ну, мож и есть чуток понтов. Я ж не отрицаю. Но – лишь самую малость, – игриво улыбнулся Александр, закрыл заднюю дверь и предложил жестом садиться в автомобиль.

– А куда ездить отдыхать любишь на своей престижной тачке? – спросил Павел, усаживаясь на переднее сиденье.

– На Волгу часто с друзьями наведываемся. Особенно любим выезжать к Жигулевским воротам. Там река протекает меж высоких холмов и сужается до полукилометра. Это одно из самых узких мест на Волге. Я ведь, если помнишь, всегда любил смотреть вдаль с какой-нибудь высокой площадки. А с Жигулевских гор вид на реку, да на противоположный крутой берег – очень даже захватывающий. Там хорошо просто посидеть, посмотреть, порассуждать о чем-то глобальном или помечтать.

– Я тоже такие места люблю. Мож смотаемся сегодня туда?

– Нет, Паша, извини, не успеем. Вот если бы вы с Иваном на неделю приехали, а не на два денька, то мы бы и на Жигулевские, и на Верблюд-гору в Ширяево съездили бы. Там старые штольни, в которых полно летучих мышей. Очень интересное место. Да и на Грушевский фестиваль, непременно, заехали бы.

– Это ты про знаменитый фестиваль авторской песни упомянул?

– Да, про него. На нем классно. Люди не только на машинах подъезжают, но и приплывают по Волге на катерах, яхтах, катамаранах, ялах, – короче, на всем, что плавает. Сцену для выступлений иногда прямо на реке мастерят. Очень, знаешь, душевно потом там сидеть вечером на травянистом склоне и слушать песни под гитару.

– Ты сам-то выступал на этом фестивале? – с интересом спросил Павел, – Или уже вконец забросил гитару?

– Подгорный, я тебя умоляю, – ухмыльнулся Александр, – Уровень не тот. Туда приезжают лучшие барды со всех стран бывшего Союза. И с Украины, и с Кавказа, и с Прибалтики. Поэтому выступать там я никогда не решусь. Хотя, дома для гостей часто на гитаре бренчу. А на Груше я других послушать люблю.

– Я бы с удовольствием у тебя погостил, Санек. На фестиваль бы съездил, в Волге бы покупался, позагорал бы. Естественно, с самарочками бы поближе познакомился, – подмигнул Подгорный, – Но, вот беда, Иван-то, не может здесь задержаться. Говорит, что и так его еле отпустили с работы, чтобы за машиной в Тольятти съездить. Хорошо еще, что ты здесь живешь и знаешь, где можно подешевле тачку приобрести, а так мы бы и не решились сюда приезжать.

– Да, я все понимаю, Паша. Работа есть работа. Но давай как-нибудь соберись и хотя бы на недельку ко мне приезжай. Здесь много чего интересного. А в этот раз, за один день я толком ничего не успею вам показать. Ведь уже завтра с утра надо выезжать в Тольятти за машиной.

– Ты, кстати, с кем-нибудь в Тольятти уже договорился о встрече? – поинтересовался Павел.

– У меня есть там знакомые автодиллеры. Я уже предварительно прозвонил и промониторил рынок. Осталось только Ивану взглянуть и самому выбрать машину, – ответил Александр.

– Окей, уже легче – с деловым видом кивнул головой Подгорный.

– Но это будет завтра. А сегодня мы гуляем на полную катушку! – воскликнул Александр, завел машину и резко тронулся с места.

* * *

Не прошло и двух часов после прилета Павла, как он уже лежал в одних шортах на пластмассовом шезлонге посреди небольшого приусадебного участка, покрытого невысокой, но густой светло-зеленой травой. С трех сторон участок окружал двухметровый деревянный забор, кое-где полностью скрытый от глаз темно-зеленым плющом, распутившим свои длинные стебли с крупными листьями на высоту ограды. Местами растение, оттолкнувшись от изгороди, ползло вверх и скрывалось в ветвях плодовых деревьев. В глубине участка росли несколько старых яблонь, а под ними густо расположились душистые кусты смородины и малины с просвечивающимися сквозь зеленую завесу красными ягодами. Под самым старым и раскидистым деревом стоял высокий мангал, а в нем с приятным треском горели березовые поленья. Шампура с шашлыком на мангал еще не положили – ожидали, когда прогорят дрова, поэтому аромат поджаренного маринованного мяса в воздухе еще не витал, и на садовом участке лишь явно ощущался приятный запах свежескошенной газонной травы.

Подгорный лежал в шезлонге и смотрел то на низкорослого, коренастого и лысоватого Ивана, нанизывающего мясо из большой эмалированной кастрюли на острые плоские шампуры, то на старые яблони вдоль забора, то на шебутного Александра, возившегося с костром на мангале. Павел наслаждался окружающей обстановкой. Представлял, как здесь уютно и красиво в период цветения яблонь, когда их ветки усыпают белые и розовые маленькие цветочки, и слышно постоянное жужжанье пчел. Подгорный, жил в многонаселенном спальном районе Санкт-Петербурга с развитой инфраструктурой, но сейчас начинал завидовать другу, который мог находиться в райских условиях вдалеке от шума и постоянной суеты. Коренной житель

большого города, Павел, конечно же, к своим 35 годам не раз выезжал отдыхать на природу. Но такого чувства, как в настоящую минуту, он еще не ощущал, потому что отдыхал ранее на природе либо в палатке безо всяких удобств, либо в многолюдной гостинице, где не было атмосферы для уединения с мыслями (уединение с мыслями). А сейчас Паша поставил себя на место Александра и пришел к мысли, что впечатления от двухдневного выезда на рыбалку с палатками или недельного проживания в загородном отеле это совсем не то, что ощущает человек, живущий постоянно среди деревьев и цветов. Подгорный пока не мог для себя решить – хотел бы он поменять свою большую квартиру в питерской многоэтажке на подобный домик с участком, но лежа в шезлонге в живописном саду, он чувствовал небывалое спокойствие, комфорт и уют.

«А может быть, мне здесь так хорошо вовсе не из-за домика и этой чудесной зеленой травки, а из-за того, что мы опять вместе, как когда-то давно-давно? – размышлял Павел, пытаюсь разобраться в своей душевной эйфории, – Ведь так приятно их видеть – Сашку и Ивана. Скучаю по ним, чертякам».

После того, как Подгорный покинул десять лет назад Москву и приехал домой в Санкт-Петербург, он не стал искать работу по полученной в институте специальности, а сразу устроился к знакомому бизнесмену и начал заниматься организацией железнодорожных поставок по всей России. Павел по сути своей отличался от Ивана и Александра большей физической леностью и инертностью, но был дисциплинирован, исполнительен, дружил с головой и недавно получил от босса в руководство отдельную фирму, о чем долгое время мечтал. Он любил командовать и указывать, что надо делать, но при этом прислушивался к мнению подчиненных, был коммуникабельным и добрым. Обожал шумные кампании, новые знакомства, посиделки и разговоры по душам.

С Александром Бурашевым и Иваном Кузнецовым Павла связывала давняя дружба. Вместе, когда-то в молодости, они учились в Московском авиационном институте, жили в общежитии, гуляли по ночным клубам, подрабатывали грузчиками, чтобы не сидеть на шее у родителей и иметь возможность на свои деньги покупать девочкам цветы, мороженое, шампанское и шоколадки. После окончания ВУЗа все трое пошли работать по специальности, устроились в Москве в конструкторское бюро, но через год сначала Бурашев уехал в Самару на родину, а потом и Подгорный отбыл в Санкт-Петербург. Только вятский парень Иван с его упорством, флегматичностью и непоколебимым душевным спокойствием, благополучно пережил период адаптации к столичной жизни и остался работать в московском конструкторском бюро. Благо его родной Киров от столицы был недалеко, и Иван часто ездил домой к родителям, когда становилось совсем тоскливо от низкооплачиваемой работы и бедной жизни в общежитии. Но, в конце концов, задержался Кузнецов в Москве, зацепился, выкарабкался в люди, перенес все невзгоды и печали. Не сломал его этот огромный, часто безжалостный к чужакам, мегаполис. А спустя некоторое время получил Кузнецов должность старшего инженера-конструктора, соответствующие регалии и повышение в зарплате, что позволило ему взять в кредит однокомнатную квартиру на окраине Москвы и полноправно представляться в незнакомых компаниях уже столичным жителем. Хотя коренные москвичи сразу определяли засланного казачка по его оригинальному вятскому быстрому говору. Однако Иван был скромным, стеснительным и не словоохотливым, больше любил слушать, чем говорить. Часами рассказывать Кузнецов мог только про звезды и самолеты, но эти темы среди его близких московских знакомых мало затрагивались и поэтому часто в больших компаниях Ивана даже не замечали.

А Саша Бурашев, приехав в Самару, попытался устроиться по специальности, но местный авиационный завод переживал непростые времена, заказы на новые самолеты катастрофически упали, штат предприятия сократили и новых работников не нанимали. Тогда Александр, параллельно работая таксистом, попробовал торговать акциями на фондовой бирже, вложил в них все свои сбережения, рискнул и, так было угодно судьбе, угадал со временем покупки

ценных бумаг. Из-за легко заработанных денег, Бурашев потерял осторожность, продал однокомнатную квартиру и на все вырученные деньги докупил акции. Однако вскоре после этого на фондовом рынке цены резко обвалились. Проведя в расстройстве несколько недель, ворочаясь бессонными ночами и ругая себя за такой необдуманный и рискованный поступок, Александр, наконец, увидел, что цены на акции опять пошли вверх. Бурашев сделал вывод, что для психического равновесия ему необходимо срочно учиться, дабы предугадывать колебания стоимости ценных бумаг и спокойно спать по ночам. Он быстро нашел начальные программы обучения, закончил за три месяца два курса по основам биржевой деятельности, и через некоторое время оставил работу таксистом и начал зарабатывать себе на хлеб исключительно торговлей акциями. Работа ему нравилась, так как предполагала, с одной стороны, отсутствие подчиненных, а с другой стороны – отсутствие начальников, что вместе давало свободу в графике, в передвижениях, в выборе времени отпуска и защищала психику от стрессов, которые часто встречаются в делах с людьми. А личную свободу и душевное спокойствие Бурашев ценил больше всего.

Старые студенческие друзья в дни разлуки редко общались между собой, но обязательно поздравляли друг друга по праздникам: на Новый год и в Дни рождений, а если у кого-то менялся телефон или электронная почта, то обязательно об этом оперативно сообщали друг другу.

И вот, благодаря желанию приобрести себе новый отечественный автомобиль подешевле, Иван попросил своих давних товарищей помочь ему в выборе машины в Тольятти и перегоне ее своим ходом до Москвы. Этому неожиданному обстоятельству все трое были рады, ибо, даже, находясь долгое время в разных городах, часто вспоминали друг друга добрым словом и скучали, потому что именно в студенчестве, когда человек еще не замкнут, не обременен семейными проблемами и ему интересны новые знакомства, легче найти людей со схожими человеческими ценностями и жизненными интересами. А суровые общаговские условия, с недоеданием и недосыпанием, с конфликтами и разными испытаниями, как через сито отсеивали неблагонадежных товарищей, оставляя в когорте только верных друзей, на которых можно было положиться на всю оставшуюся жизнь, независимо где бы ты не находился и сколько бы ты с ними не был в разлуке.

– Слушай, Саня, я тебе начинаю завидовать, – развалившись в шезлонге, сказал искренне Павел, – Правда, завидую. Но не черной завистью, а белой – доброй. Если, конечно, такая зависть бывает.

– И чему может завидовать питерский генеральный директор, находясь в провинциальной Самаре? – заулыбался Александр.

– Нет, я серьезно в восхищении от того, как ты живешь. Хотелось бы, чтобы у тебя и дальше было все okay. Чтобы также стоял этот уютный домик недалеко от Волги, чтобы также на участке разводили огонь и жарили шашлык, чтобы у тебя было много друзей, но только настоящих, таких, как мы с Иваном. Хе-хе-хе, – тихо засмеялся Паша.

– Я и сам себе иногда завидую, – сказал Александр, – Но, мечтаю уже о другом. Тоже хочу жить в доме, но в большом и каменном, а не в таком маленьком и деревянном, как сейчас. А также я хотел бы, чтобы мой дом стоял на самом берегу Волги и в другом районе города – повыше по течению. Хотел бы, чтобы участок был побольше и весь утопал бы в цветах и винограде. И чтобы у меня стояла в гараже парочка машин – джип и кабриолет, а также квадрик, чтобы гонять на нем по побережью Волги с сыном или с женой.

– Здрасьте – приехали, – усмехнулся Павел, – У такой большой речки жить и о машинах мечтать?! Эх ты, Санек. Надо в данном случае о яхте думать, да о красотках в эротичных купальниках на верхней палубе, а не о квадрацикле и жене. Хе-хе-хе.

– Одно другому не мешает. Мечтать, так на полную катушку. И я ведь еще не всё о своих желаниях рассказал. А мечтать, как ты знаешь, я люблю. Долго могу говорить на эту тему, – широко улыбнулся Александр.

– Ну, извини, браток, что перебил, – улыбнулся в ответ Подгорный, – Давай, продолжай дальше.

– Так вот, кроме этого я хотел бы в будущем иметь катер и на нем сплавляться по реке до самой Астрахани. Или вверх ходить до Нижнего Новгорода. Волга в некоторых местах очень живописна, можно часами любоваться. Там и скалы есть, и камышовые заводи. Вы не представляете, как красиво! И часто, к тому же, на Волге можно встретить исторические здания, церкви, крепости.

– Ну, в Нижнем Кремль можно посмотреть. В Казани много чего исторического есть, но она от тебя уже далековата, – сказал Павел, – А еще где рядом богатая история?

– Паша, да полно в Поволжье таких мест. Я, вот, к примеру, прошлым летом недалеко от Нижнего наткнулся неожиданно на белокаменную крепость, которая заходила своим краем чуть ли не до середины реки. Там кстати, до сих пор расположен действующий Макарьевский монастырь. Красотища – дух захватывает. И в Астрахани тоже Кремль классный. Им еще Петр I восхищался. Ты же знаешь, я историю люблю, вот и выискиваю её из разных местных источников. И старинных достопримечательностей на средней и нижней Волге очень много. Успеть бы за свою жизнь все посмотреть, облазить, прочувствовать энергетику на местах. И согласись, шикарная яхта с полуобнаженными моделями для этого как-то не совсем подходит. У меня лично она больше ассоциируется с развратом в Средиземном море, чем с посещением Кремля или действующего монастыря в Астраханской области. Да и длинноногие модели на шпильках, все в педикюре и маникюре не вписываются в мой тихий сельский домик. Хоть убей, но не могу я представить, как они копают картошку в моем огороде. Гы-гы-гы.

– Что-то я не припомню, товарищ Бурашев, чтобы ты раньше мечтал о сельской спокойной жизни в частном домике у Волги, – лукаво посмотрел на Александра Иван.

– Ты прав, Ваня. В Москве я думал совсем о другом и не предполагал, что вернусь домой в Самару и захочу перебраться из квартиры в частный дом. Тогда мечтал, как и вы, стать крутым авиаконструктором, жить в центре столицы где-нибудь рядом с Чистыми Прудами или на Старом Арбате. Мне так нравятся те места. Я даже до сих пор по ним скуечаю.

– Так в чем же дело, если нравятся наши места, то переезжай, – улыбнулся Кузнецов, – Я думаю, что сейчас, продав этот дом, ты спокойно сможешь купить однокомнатную квартиру где-нибудь на окраине Москвы. Я тебе, со своей стороны, чем смогу – помогу.

– Спасибо, конечно, Иван, но я уже жить в столице не хочу, – ответил Александр, – Десять лет назад не получилось там закрепиться, а сейчас и даром не надо. Мне тогда так опостылело снимать квартиры, добираться два часа до работы в потоке недовольных людей, которые постоянно куда-то спешат. Да и зарплата в бюро не позволяла надеяться на то, что я когда-нибудь скоплю на квартиру. А искать московскую невесту с жилплощадью мне всегда претило, потому как считаю, что мужчина должен жену к себе домой приводить, а не жить у нее, толкаясь задницами на кухне с тещей. Поэтому я и вернулся в Самару. Благо здесь родители разменяли трехкомнатную квартиру и подарили мне однокомнатную в панельном доме. Хоть и не в престижном районе, но зато своя хата есть.

– Да!?! – удивился Подгорный, – Вот оно как! А я почему-то думал, что этот чудесный домик у Волги – это твоя наследственная родовая усадьба. А как же оказалось, что ты переехал из квартиры в частный дом?

– А это произошло после того, как я стал играть на бирже. У меня сразу появилась свобода в планировании рабочего времени. И однажды я вдруг осознал, что хочу жить не в квартире, а в доме, с порога которого можно в любой момент в трусах и в сланцах шагнуть в сад, попить чай под душистой яблоней или попинать мячик на травке. Ведь при этом можно про-

должать через ноутбук следить за поведением фондового рынка. Вот такой рабочий кабинет мне пришлось по душе, – ухмыльнулся Бурашев, обводя взглядом свой приусадебный участок, – И сейчас меня уже обратно, в эти панельные курятники силком не затащишь.

– Так ты поменял свою однокомнатную панельную квартиру на этот чудесный домик? – уточнил Павел, – Неужели подобные дома здесь примерно также стоят, как однушки?

– Нет, конечно. Все гораздо сложнее. Во-первых, этот дом раза в два дороже тогда стоил, чем моя самарская квартира, а во-вторых, был момент, когда я мог вообще бомжем оказаться, потому что продал её, снял комнату, а вырученные деньги вложил в акции, а они через месяц грохнулись в цене.

– Да ну!!?? – улыбнулся Паша. – Интересно-интересно. Ну-ка колись, как это происходило? И как потом ты выбрался из болота? Люблю такие вещи слушать, когда из грязи – в князи. Хе-хе-хе.

Александр посмотрел сначала на Павла, а потом на Ивана. Последний молчал, но всем своим видом высказал крайнюю заинтересованность дальнейшим рассказом друга.

– Ну, это длинная история, – поймав их недвусмысленные взгляды, попытался откреститься от рассказа Бурашев.

– А мы ведь никуда не торопимся, – сказал Паша, – Шашлык только поставили на угли, пиво только что открыли, за машиной завтра поедем. Так что ты садись, дорогой, бери пивко, и не спеша, нам все подробненько подробненько рассказывай. Мы сами за шашлыком посмотрим и снимем его с мангала, когда придет время. А ты спой песню, как молодой и бедный московский инженер сначала стал самарским бомжем, а потом всего за семь-восемь лет превратился в регионального миллионера. Уж очень нам с Ваней это интересно. Правда, Иван?

– Да что там интересного!?! Очередная банальная сказка про нового русского. Их полно в прессе написано, – ответил с улыбкой Иван, – Но, все же, если ты, Сашок, начнешь рассказывать, то без меня не начинай. Мне за бутылкой воды надо в дом сбегать, чтобы угли заливать, а то не шашлык, а зола получится. Вот приду, потом и рассказывай свою историю Уоррена Баффета.

– А это еще кто такой? – спросил Павел Ивана.

– Саня тебе скажет. Мне на кухню надо, – уходя быстрым шагом, отрезал Кузнецов.

Подгорный вопросительно посмотрел на Бурашева.

– Это гуру в биржевой торговле, один из наиболее известных инвесторов, состояние которого оценивается в несколько десятков миллиардов долларов, – ответил Александр, – Он еще в 11 лет купил две акции, но почти сразу после этого его акции наполовину упали в цене. Баффет занервничал, что они и дальше будут снижаться в стоимости, но продавать акции не стал. Дождался начала их роста и только потом продал, заработав по 10 долларов с акции. Но это оказалось ошибкой, потому что за несколько следующих дней цена его акций взлетела то ли в 3, то ли в 5 раз. Затем он временно с биржей завязал, а к торговле акциями вернулся после того, как стал взрослым, окончил университет и получил в наследство небольшие деньги отца. Очень быстро Баффет стал знаменитым биржевым игроком, скупая недооцененные акции, которые никого больше не интересовали, и продавал их позднее, когда акции компаний поднимались в цене. За первую пятилетку он сколотил себе состояние в сотню тысяч баксов, а сейчас, наверное, входит в десятку самых богатых людей мира.

– Это ты все еще про Баффета рассказываешь или уже о своих мечтах нам ведаешь? – тихо посмеиваясь, сказал Иван, проходя мимо Павла и держа в руках пластиковую бутылку с водой.

– Это я все еще болтаю про того, кому очень сильно повезло в биржевой торговле. Ведь, практически он никогда ничего не терял, а только приобретал. Почти всегда делал верные шаги. Мне бы такое везение, – ответил с наигранным вздохом Александр.

– Что так печально вздыхаешь? Хочешь намекнуть, что твой путь на бирже был намного тернистее, чем у этого твоего Буффета? – спросил Подгорный.

– Не Буффета, а Баффета, неуч, – хмыкнул Бурашев, – Конечно, тернистее. Я же ведь, мог свою квартиру совсем потерять. Продал ее и вложил все деньги в акции. Чуть не прогорел. Какое уж тут везение? Знаешь, какой у меня геморрой целых два месяца тогда был?!

– Так-так. А вот с этой минуты, прошу, исключительно для меня, глупого, рассказывать еще медленнее, и еще подробнее, – сказал Павел, – А то, я уже начал жалеть о том, что я – Генеральный директор пашу как лошадь в душном офисе по 12 часов в сутки в то время, когда здесь какие-то биржевики зарабатывают сотни тысяч баксов в год, валяясь в шезлонге среди травки и цветов. Давай, Сашок, колись, как говорится, со всеми отягчающими обстоятельствами. Рассказывай все, как на духу, ничего от своих друзей не утаивай. Мне эта тема становится уж очень интересной. Это Ивана, может быть, только самолеты изобретать тянет, а мне много денег заработать хочется. Я ведь, каюсь, более меркантильный и корыстный человек, чем вон тот наш товарищ с бутылкой у мангала. Хе-хе-хе. Поэтому поведай, брат, не торопись, мне темному, что такое биржа, с чем ее едят, кто там играет и как там деньги делают. Давай! Мы все во внимании.

Подгорный обвел участок взглядом, убедился, что работа в руках его товарищей спорится, откинулся на шезлонге, набросил ногу на ногу, глотнул добрый глоток пива из бутылки и устался на Бурашева.

– Ну, давай, попробую рассказать, коль не шутишь, – сказал Александр, – В общем, один мой знакомый, который уже лет шесть играет на фондовой бирже, посоветовал мне купить акции, потому что в то время заканчивался долгий спад на рынке, и многие акции вскоре должны были сильно и быстро вырасти в цене. У меня имелись на тот момент свободные деньги, я и рискнул – купил. И начал кайфовать, смотря каждый день в новостях, как стоимость моих бумаг растет. Через три месяца я мог уже выручить при продаже своих акций сумму на пятьдесят процентов больше, чем вложил при покупке. Прикинь, как фартило! Я уже начал задумываться – на фига мне где-то работать, если можно купить акции и просто их держать, получая вполне достойные дивиденды. Но, как говорят, жадность фрайера сгубила. Я взял и с дуру, продал квартиру, сам переехал жить в съемную комнату, а вырученные от продажи деньги, вложил на биржу. И начал уже мечтать, как через пару лет куплю себе особнячок где-нибудь на Кипре и буду оттуда, лежа рядом с бассейном, играть по Инету на бирже. Не жизнь, а малина! – хмыкнул Бурашев, – Но, как только я вложил деньги в акции, фондовый рынок резко поменял тренд и начал снижаться. Да, снижаться не один день, и не неделю, а целый месяц. К концу того месяца, я уже не спал ночами, мучился бессонницей и ругал себя за то, что рискнул капиталом, потому что от него уже осталась только половина, и можно было купить лишь комнату в зашарпанном самарском районе. После этого я решил учиться. Прослушал один платный курс лекций, потом через неделю – второй. Узнал там на какие новости, слухи и факты ориентируются участники рынка и начал чаще играть на бирже. Практически каждый день делал несколько ставок, покупал и продавал акции и, в конце концов, понял некоторые основы и что нужно делать, чтобы зарабатывать на акциях.

Бурашев закончил свой рассказ, отхлебнул пива из бутылки и спросил Кузнецова о готовности шашлыка.

– Ты о шашлыке не беспокойся, – быстро ответил ему Павел, – Как будет мясо готово, мы тебе скажем, а пока ты не отвлекай Ивана и кайся дальше, как деньги на бирже зарабатывают. Ты что думаешь, все рассказал? Умник какой нашелся. Нас с Иваном просто так не проведешь – давай дальше болтай. Я тоже мож хочу домик на Волге, квадрацикл с катером и красивую попку, то есть красивую девочку у бассейна в придачу. Хе-хе-хе.

– А я про девочку ничего такого не говорил, – заулыбался Александр.

– Говорил, не говорил, какая разница, – рассмеялся Паша, – Раз холостой парень, то красивая девочка, по определению предполагается в каждом твоём рассказе, будь он хоть про квадрик, про яхту, про домик у реки или про биржу.

– Все-то ты про меня знаешь?

– Конечно, а ты как думал? Учились мы вместе, гуляли, отдыхали, сейчас оба холостые, да еще и друзья к тому же. Я тебя, как облупленного знаю, потому что сам такой. Поэтому, давай, Санек, делись, с другом полезной информацией, не тяни, а то пива напьюсь, половину твоего учения не пойму и попрошу его повторить завтра вновь. Ну, подумай, охота тебе еще раз рассказывать?

– Неее. Я второй раз никогда не повторяю. Вон, у Ивана спросишь тогда завтра, если сегодня спяна будешь неадекватным слушателем. Он, вроде бы, шашлык на мангале поворачивает, молчит и не слушает, а у самого уши в нашу сторону развернулись, как сопла истребителя СУ-27 при исполнении фигуры высшего пилотажа. Видимо, ушам альтруиста и инженера-конструктора самолетов рассказы об американских миллиардерах иногда все же интересны. Не зря же эти уши запомнили имя Уоррена Баффета с первого раза. Я ему, Паша, только один раз и уже давненько ненароком в письме это имя упомянул, а он сразу, представляешь, безошибочно его запомнил. Смотри-ка, Штирлиц-то какой среди нас затесался.

– Эй, там, буржуи в шезлонгах! Если будете смеяться над простым и бедным российским инженером, то я вам вместо мяса на палочках угли принесу, – грозным, командирским голосом сказал Иван, – И, кстати, раз музыки нет, то можете и погромче разговаривать. А то мне здесь скучно одному у мангала стоять, – при этих словах Иван повернул улыбающуюся во весь рот физиономию к своим друзьям.

– А вы не подслушивайте разговор, товарищ шеф-повар по шашлыкам, – громко с наигранной укоризной сказал Подгорный, – Давай, Саня продолжай, не обращай на этого поваренка внимания.

Бурашев как можно утилитарнее рассказал друзьям основы биржевой торговли. Поведал про технический и фундаментальный анализ, который используют игроки при принятии решения; про индексы и инструменты оценки рынка. Александр заметил, что его слушают с любопытством, хотя информация для тех, кто не знаком с фондовой биржей была трудной для восприятия. Видимо большинство мужчин всегда внимательно относится к сфере, в которой можно быстро сколотить капитал, где есть риск, анализ и прогноз. Этот интерес, наверное, у представителей сильного пола в крови с древних времен, когда они выходили на охоту и в течение дня рисковали и предугадывали, как поведет себя добыча в зависимости от условий преследования или засады.

Друзья не перебивали Александра, внимательно слушали, и лишь однажды Иван прервал рассказчика и спросил, почему такое большое значение на фондовом рынке уделяется графическому анализу – всем этим фигурам, которые вырисовывает цена на диаграммах.

– Иван, ты или слишком умный, но я раньше этого не замечал, или ты все же начал потихоньку почитать про биржевую торговлю, – сказал с улыбкой Бурашев.

– Конечно, я слишком умный, но из-за своей природной скромности, в отличие от некоторых, сидящих на этой поляне особей, никогда своим умом не хвастаюсь, – улыбнулся в ответ Иван.

– Это он кого особью обозвал? – спросил с нарочитой обидой Подгорный у Бурашева.

– Тебя, конечно. Не меня же! – быстро ответил Александр, – Но, как он только мог, гаде-ныш, мой красивый участок с ландшафтным дизайном и цветочками обозвать непотребным и криминальным словом «Поляна», этого я не понимаю. Где у парня совесть?

– А давай, Саня, ему пиво больше не дадим? – тихо предложил Подгорный и заулыбался.

– Давай. Только сначала шашлык у него получим, а потом уж пива лишим, – согласился вполголоса Александр.

– А я все слышу, особи, – сказал громко Иван.

– Я же говорил, что у него большие уши, а ты – нормальные, нормальные, – захихикал Бурашев.

– Ладно, хорош чепуху болтать. Давай рассказывай дальше, – с игривой строгостью отрезал Иван.

– Слушаюсь, – быстро, по-солдатски, отрапортовал Бурашев. И грустно добавил, – Что только за палочку шашлыка не наговоришь, не насочиняешь. Эх. Итак, продолжаю бесплатную, но, заметьте, очень познавательную и полезную лекцию. Ну, а если серьезно, давайте я вам по Инету вышлю множество информации, чтобы вы спокойно дома могли прочитать про технические факторы, про графический анализ, посмотреть диаграммы и все постулаты при покупке или продаже акций. Не хочу сейчас вас всем этим грузить. Это надо изучать без пива на трезвую голову. А потом уже отвечу на ваши конкретные вопросы, если еще фондовый рынок вам будет интересен. Хорошо?! А сейчас, давайте я лучше расскажу про некоторые удивительные вещи, о которых я узнал на семинарах и которые можно отнести не только к биржевой торговле, а вообще к любой системе, органической и неорганической.

– Что ты имеешь в виду? – не понял смысл последней фразы Кузнецов.

– А ты еще не дошел в своем изучении биржевого дела до числового ряда Фибоначчи? – спросил Бурашев у Кузнецова, прищуриваясь.

– Нет еще, не дошел, – быстро, как на духу ответил Иван.

– Ааа. Вот я тебя и поймал, Ваня. Ты сам только что признался, что все-таки читаешь литературу по биржевой торговле, – рассмеялся громко Бурашев и потом, обращаясь, к Подгорному, продолжил – А ты, Паша, говорил, что нашего Ивана только самолеты и звезды интересуют.

– Ну, ладно, ладно, сдаюсь. Меня не только самолеты, но и деньги, и биржа, и даже девушки интересуют, – сказал с улыбкой Кузнецов.

– Нет, Паша, ты слышал?! Нашего Ивана и девушки тоже интересуют?!? И это в какие-то 36 лет!!! Ужас. Паша, ты видел, во что он превращается, связавшись с тобой? – с напускной тревогой спросил Бурашев у Подгорного, – Ай-яй-яй, а какой мальчик хороший был.

– Ну, хорош прикалываться, Саня. Давай рассказывай дальше, что ты там обнаружил, – бросил нетерпеливо, но с улыбкой Кузнецов.

– А ты, Паша, тоже не слышал про ряд Фибоначчи? – спросил Александр, внимательно посмотрев на друга.

– Самую малость, и ту очень давно. Там, какая то закономерность в числах выявлена, да? – ответил с сомнением в голосе Подгорный.

– С вами все понятно. Ну, тогда, я всё подробно расскажу, потому как это очень даже занимательно и, на первый взгляд, пахнет даже какой-то фантастикой, – сказал уже серьезнее Бурашев, глотнул пива и продолжил свой рассказ – В общем, где-то в одиннадцатом или двенадцатом веке, когда на Древнюю Русь еще не пришли монголо – татары, в Италии жил-поживал один математик по имени Фибоначчи. Он много путешествовал, побывал в Греции, в Египте, в Азии и откуда-то привез древние знания о том, что существует некий ряд чисел, которые идут в строгой последовательности и подвержены определенным закономерностям. Вот смотрите! Если взять числа 1 и 2 и сложить их, то какое число получится? Три. Правильно?! А теперь если сложить две последние цифры в ряду «1,2,3», то получится цифра 5, так? – друзья кивнули в знак одобрения, – А если далее в полученном ряду «1,2,3,5» опять сложить два крайних числа – 3 и 5, то получим цифру 8. Так?! Это и есть ряд чисел Фибоначчи –1, 2, 3, 5, 8, 13, потом 13 плюс 8 будет 21, далее 21 плюс 13 будет 34, и так до бесконечности можно составлять.

– Ну и в чем же фишка? – недоуменно спросил Подгорный, – Люди от нечего делать придумали складывать последние цифры в ряду и получать новое число, – что ж в этом удивительного?

– Ты совершенно прав – пока ничего удивительного в этом ряду нет, – ответил Александр, – Однако, если разделить в этом ряду последующее число на предыдущее, то получается всегда одна и та же цифра – «1,6xxxx» со множеством копеек – 65 сотых, – 647 тысячных и так далее! И чем больше величина чисел в ряду Фибоначчи, тем ближе к абсолютной цифре «1,6» получается значение при их делении. Как раз таки эту цифру – «1,6» и назвали золотым сечением.

– Ну, да. Возможно, что-то необъяснимое в этом есть, но это могут быть просто причуды математики, – все также скептически проговорил Подгорный.

– И здесь я с тобой согласен, Паша, – улыбнулся Бурашев, – Но, самое интересное еще впереди.

Бурашев замолчал и с жадностью сделал несколько глотков пива, будто у него неожиданно возникла сильная жажда. Павел и Иван смотрели на своего друга и молчали, боясь вспугнуть мысли Бурашева о чем-то, им пока совершенно неведомом и незнакомом. Привыкшие со школьной скамьи интересоваться всем необъяснимым, парни после окончания школы поступили в авиационный институт, в первую очередь, из-за любознательности, чтобы понять, как эти громадные куски железа, называемые самолетами, могут отрывать от земли и быстро летать. Подгорный и Кузнецов интуитивно почувствовали, что дальнейшее изложение истории чисел Фибоначчи может быть весьма занятным и интересным, поэтому хмель от пива вмиг рассеялся, и лица друзей стали сосредоточенными.

Иногда встречаешь взгляд, через который, если бы умел, то забрался бы внутрь человека, познакомился бы с его мыслями, без слов понял бы, что тебе хотят сказать. При этом у тебя есть абсолютная уверенность, что через такой взгляд забраться в разум собеседника можно, но, к сожалению, ты пока просто не знаешь методики как это сделать. Подобный взгляд был у Александра в те мгновения. Бурашев ушел в себя, чтобы сделать для своих друзей краткое резюме из громадного объема прочитанного материала. Повисла небольшая пауза, слышалось лишь шипение капелек жира, падающего с шампуров на угли, доносился злой лай собаки через улицу у соседей, да с речным бризом залетел к дому протяжный гудок парохода, плывущего по Волге где-то вдалеке. Друзья не отвлекали рассказчика и терпеливо ждали в минутной тишине.

– Нус, пойдем дальше, господа присяжные заседатели, – наконец сказал Александр и продолжил свое повествование, – Так вот, после того, как Фибоначчи обнаружил в Европе сведения о золотом сечении, то большинство средневековых ученых поначалу скептически к этому отнеслись, но кое-кто из исследователей начал в различных сферах применять и наблюдать, как действует это правило некой постоянной необъяснимой константы. Позже выяснилось, что правило золотого сечения было известно не только древним грекам, а также и в Древней Индии, и даже в Вавилоне. К примеру, считается, что египетские пирамиды построены с использованием правила золотого сечения. А древние греки, вообще категорично заявляли, что золотая пропорция является «Универсальным числом Мироздания»! – с пылом рассказывал Бурашев, – И что вы думаете?! К настоящему времени так много уже выявлено подтверждений золотого сечения, что в пору уже назвать это не теорией, а закономерностью.

– Что-то я пока не врубаюсь, почему это считается удивительным, – сказал Подгорный, – Я и сам сейчас найду тебе множество примеров, где размеры предметов делятся на одну целую шесть десятых. Но сразу же найду в тех же предметах, их деление, к примеру, на 1,8 или на 2,3. Объясни мне, глупому, на конкретных фактах, что же в цифре 1,6 необычного и божественного.

– Да, подожди ты, Паша, не суетись, дай мне все последовательно изложить, – ответил с улыбкой Бурашев, – Всегда бежишь впереди паровоза.

– Ну, так я и стал Генеральным директором, потому что всегда бежал впереди паровоза. Не то, что некоторые. Хе-хе-хе. Однако не будем показывать на них пальцем, – с бравадой и наигранной важностью сказал Подгорный.

– Ой, ладно, выпендриваться, – быстро отреагировал Кузнецов, – Набрал три человека в фирму, назвался Генеральным директором и хвастается здесь пустым местом.

– Прошу меня сильно не критиковать. Этого я с детства не люблю и не перевариваю, – ответил Паша, – И, смею, заметить, что у меня не три человека в фирме, а пять. Если считать еще уборщицу и водителя. Хе-хе-хе.

– Хорош свои безмерные заслуги перечислять, а то я застесняюсь своей неполноценности и забуду то, что хотел вам сказать, – с улыбкой сказал Бурашев. Увидев, что друзья успокоились, продолжил свой рассказ, – Итак, Паша, чудеса золотого сечения, конечно же, не в том, что числа делятся друг на друга и получается всегда 1,6. Чудеса в том, что в ряду Фибоначчи деление непрерывной величины на две части происходит в таком отношении, при котором меньшая часть так относится к большей, как большая ко всей величине.

Повисла пауза. Александр прищурился и посмотрел на сосредоточенные лица своих друзей.

– Саня, это ты сейчас с кем разговариваешь? – спросил с озабоченным выражением лица Павел, и сразу после этого громко засмеялся, – Объясни, блин, по народному, а не по ученому, а то ни хрена ведь непонятно.

– Вот, еще раз будешь ссылаться на свой высокий титул Генерального директора в нашей плебейской компании, тогда я буду объясняться только научным языком.

– Все-все, сдаюсь! Спускаюсь с генеральско – директорских высот к вам на бrenную рабоче-крестьянскую землю, – быстро ответил Павел, сделав умоляющую физиономию и подняв вверх две руки.

– То-то же. Тогда продолжаю. Итак, если ты, Паша, к примеру, попробуешь делить какой-нибудь, сотворенный природой объект на свои числа 1,8 или 2,3, то думаю, что тебе это будет трудно сделать, потому что почти всегда у этого объекта будет оставаться неделимый конец – какая то лишняя часть. А вот на цифру 1,6 и ее производные, все будет делиться намного проще и чаще, – Бурашев внимательно посмотрел в глаза Павла и, поняв, что тот следит за его мыслью, продолжил, – Очень много написано уже на тему золотого сечения. В штатах выходит даже специализированный журнал, да и в Инете достаточно информации – почитайте, если интересно. Я вздохнул пару лет назад с этим ознакомился. К примеру, семечки подсолнуха растут в два ряда спиралей, один из которых идет по часовой стрелке, а другой против. И каково же число семян в каждом случае? Оказывается, эти числа из ряда Фибоначчи! – восторженно сказал Бурашев, глядя то на Подгорного, то на Кузнецова, – Или другие примеры: ряд Фибоначчи с удивительной настойчивостью проявляется на коже сосновых шишек, кактусов или ананасов. И даже есть исследования, доказывающие, что расстояния между ветками на стволе деревьев относятся в золотой пропорции.

– Погоди, Саня, но где же здесь божественная сущность, если весь растительный мир произошел из одних и тех же структурных элементов? – спросил Иван, – Они и должны тогда в соответствие с генетической памятью развиваться по какой-то схожей, единой программе.

– Да в том-то и дело, что не только растительный, но и животный мир, и даже неорганические структуры подвержены этому универсальному делению, – с пылом парировал Александр, – Уже есть доказательства, что ракушки улиток и моллюсков имеют спирали в соответствии с золотым сечением. И более того, человеческое ухо и фаланги пальцев тоже имеют подобную пропорцию. Если не ошибаюсь, есть исследования на уровне ДНК о том, что «золотое сечение» лежит в основе генетического кода, то есть в основе всего живого на Земле!

– Все это, конечно, очень интересно, но в то же время, не удивительно, потому что объяснимо. А значит – не божественно, – скептически произнес Иван.

– Ну-ка, ну-ка! Как ты это объяснишь? – вызывающе посмотрел на Кузнецова Александр.

Друзья в студенческие годы часто спорили по разным вопросам, при этом умели слушать друг друга, не перебивали, полагая, что для конструктора важнее не амбиции победителя в споре, а поиск истины.

– Ну, предположим, – сказал Иван, – что миллионы лет назад на пустую Землю упал астероид и принес с собой бактерии, простейшие живые организмы, которые в процессе эволюции, в соответствие со своим генетическим кодом Фибоначчи превратились в разнообразный животный и растительный мир. Но где же, здесь, как правильно заметил Паша, божественная сущность, что-то нереальное, необъяснимое или чудесное? Все пока объясняется логикой и диалектикой. Или я не прав?

– Может быть, Иван, происхождение растений и животных еще можно пояснить теорией эволюции, но как тогда объяснить присутствие этой универсальной пропорции даже в квантовой физике, на уровне атомов? – продолжал нападать с жаром Бурашев, – Или как логически истолковать то, что самые популярные музыкальные произведения или знаменитые архитектурные сооружения имеют деления в соответствие с этой божественной пропорцией. Почитайте в Инете, там уже много подобных доказательств. И немало ученых уже считает, что золотое сечение – это критерий гармоничности во всем, некий эталон красоты.

– То есть, если я правильно тебя понимаю, самые красивые здания на Земле тоже имеют пропорции в соответствие с золотым сечением? – уточнил Павел.

– Считаю, что да. Это, может быть, и есть наш общечеловеческий идеал красоты, пропорциональности и гармоничности, – ответил Александр.

– Ха. А красивые девушки, тоже сложены в соответствие с этим золотым сечением? – спросил Подгорный.

– Кого что, а Пашу всегда интересуют только красивые женщины, – усмехнулся Бурашев, – Но, на самом деле, это интересный вопрос. И я еще не думал об этом. И к тому же не встречал фактов по поводу того, как длина шеи какой-нибудь Мисс Мира соотносится с размером ее бюста. Или на каком расстоянии от линии бровей расположены глаза красавицы. Но, уверен, что если толковый математик тщательно исследует лица и фигуры самых красивых людей планеты, то найдет множество доказательств присутствия у них золотого сечения.

– Слушай, Санек, а это, действительно, очень прикольно, – сказал Подгорный, – А ведь и вправду, как должно объясняться то, что большинству людей нравится та или иная внешность человека, то или иное здание, та или иная машина? И, наоборот, подавляющее большинство людей укажет на одного и того же человека, как на страшного, некрасивого, отвратительного. Занятно. Я и раньше иногда думал про универсальность красоты для большинства людей, но не находил для себя ответа.

– Я тоже раньше часто задавал себе подобный вопрос, пока не прочитал в одной из книг известного писателя-фантаста о физиологических критериях красоты, – сказал Кузнецов, – Но теперь чувствую, не все так просто в этом мире.

– А что именно ты прочитал про критерии красоты? – спросил с неподдельным интересом Бурашев.

– Ну, если в двух словах, то основы нашего понимания прекрасного хранятся в генах и идут еще из каменного века, – ответил Иван, – Ведь человек живет цивилизованной жизнью совсем ничтожное время по сравнению с периодом существования в первобытном обществе. Правильно?! И, естественно, мы оцениваем и считаем красивыми те черты лица и фигуры, которые бы имели лучшую эффективность в жизни древних людей в условиях постоянной опасности. Именно в этом, на взгляд того писателя-фантаста, и кроется сущность красоты – как нашего подсознательного представления о самых лучших пропорциях организма.

– А на примерах? – перебил Ивана Павел, – А то, что-то слишком заумно для меня.

– Да, сколько угодно, – сказал Кузнецов, – В книге этого их куча. К примеру, нам нравится, когда у женщины большие глаза. Так?! А это потому, что наши гены сигнализируют

о том, что большие глаза лучше видят в полутьме пещеры, когда мужчина отдыхает после похода, а женщина стережет его сон. Или, к примеру, нам нравятся длинные ресницы – ну так они отлично защищают глаза при ярком солнечном свете, а нравится их изогнутость, так это потому, что изогнутые вверх кончики ресниц не дают им слипаться и смерзаться.

– Хм. Чувствую, что теперь я буду по-другому оценивать обнаженных красивых девочек – с учетом генетической памяти предков. Хе-хе-хе! – рассмеялся Подгорный, – Давай-ка еще примеры из той книги. Все давай, что вспомнишь. Интересно!

– Ну, я не все помню, – довольно улыбнулся Иван, – Могу ошибаться в точной трактовке, но логику автора в этом вопросе я понял и принял для себя на веру. Постараюсь фантаста сильно не исковеркать. Вот еще примеры, которые в голове крутятся. Нам нравятся густые, но неширокие брови потому, что природное назначение бровей – это отводить пот от глаз с лица и лучше это делают именно густые брови. Но в то же время брови не должны быть чересчур широкими, чтобы там не скапливалась грязь, и не заводились бы паразиты. Или, к примеру, почему женщины западают на мужские фигуры с выпуклыми мышцами? Так это потому, что мышцы говорят о силе охотника-добытчика. Но мужчинам в женском теле, наоборот, нравятся не выступающие из-под кожи мышцы, а плавные переходы в фигуре. Почему? Да потому, что это свидетельствует о достаточном жировом слое женщины, который служит резервным запасом энергии в случае неудачной охоты и является тепловой и противоударной изоляцией для ее плода. В общем, эта теория писателя-фантаста для меня всегда была логичной и понятной, пока ты, Саня, взял и не выдал мне сегодня про свое золотое сечение.

– Интересная точка зрения, – будто рассуждая вслух, а не говоря это друзьям, произнес Бурашев, – Действительно, очень простая, логичная и понятная мысль с учетом наших знаний о дикой жизни человека на протяжении тысячелетий. Но, ты знаешь, Ваня, я думаю, что эта теория не противоречит пропорции Фибоначчи. На мой взгляд, Бог создал этот мир, запрограммировал его развиваться определенными скачками, периодами, похожими на сечение Фибоначчи, то есть дал каждому органическому и неорганическому соединению какой-то скелет, а вот наросты на этом скелете – это уже результат естественного отбора на пути эволюции.

– Может быть, может быть, – с задумчивостью на лице согласился Иван, – По крайней мере, ты меня сегодня заинтриговал и озадачил. Приеду в Москву, пороюсь, поищу материалы про этот твой ряд Фибоначчи. Тем более, раз ты упомянул о золотом сечении в квантовой физике и атомах, то и Вселенная должна иметь какую-то аналогию с этой теорией. А это уже мне становится вдвойне интересным.

– Ах, да, ты же у нас всегда звездами увлекался, – сказал Паша.

– Не звездами, а астрономией, дубина, – ухмыльнулся Иван, – Хотя и звездами в том числе.

– Давайте только сейчас о звездах говорить не будем, а то я быстро устану от ваших научных разговоров, – хихикнул Подгорный, – Ум Генерального директора длительное время не способен переваривать сложную информацию. За нас должны думать другие. Хе-хе-хе.

– А о чем тогда должен думать Генеральный? – улыбнулся Бурашев.

– А Генеральный должен стремиться быть директором водопада. Независимо от того, присутствует ли в офисе руководитель или нет его, водопад в любом случае должен шуметь, и вода в нем падать. А директор должен сидеть и думать, какой бы камешек убрать, чтобы воды больше побежало, а где запруду накидать, чтобы вода через край мимо водопада не ушла, – с бравадой ответил Павел, – Но только давайте, мужики, про работу сейчас тоже говорить не будем. Лучше о чем-нибудь неизвестном или, к примеру, о женщинах поболтаем. Хе-хе-хе.

– Кстати, о женщинах! – Бурашев широко и игриво заулыбался, – Вы заметили, как много в Самаре красивых девушек?

– О, я лично это сразу отметил, – усмехнулся Подгорный, – И дал себе зарок, что как-нибудь еще сюда приеду на охоту. Хе-хе-хе. Иван, составишь мне компанию?

– Барышень красивых здесь, действительно, очень много, – сказал Иван, – Я в Самаре по молодости уже бывал и погулял по их знаменитому городскому пляжу. Причем, до посещения этого города, я всегда считал, что наиболее часто среди девушек красавицы встречаются в Москве, потому как возможностей сделать карьеру моделей для смазливых девчонок в богатой столице намного больше, чем в бедной провинции. Вот и прут туда длинноногие очаровашки со всех регионов России. Но, когда погулял по Самаре, то понял, что наиболее часто красивые девчонки встречаются именно здесь.

– Ну и чем ты, Санек, объяснишь этот факт? Неужто Самара находится на параллели Фибоначчи по пути от Северного полюса к Южному? – подтрунил Подгорный.

– Насчет этого не знаю, но надо, кстати, проверить удаление Самары от полюсов Земли, – усмехнулся Александр, – Хотя, скорее всего, здесь все получилось намного банальнее. Из-за, самого что ни на есть, естественного отбора. Я слышал историю о том, что Царь Петр приказал как-то всех проституток Москвы и Санкт-Петербурга выслать в Самару, дабы рабочим на здешних рудниках не скучно было серу добывать. А успешно торговать своим телом могли, естественно, только симпатичные девушки. Вот так и появилась здесь красивая порода. Но, если честно, то я сам в эту сказку не верю, а вот из-за смешения кровей русских, украинцев, татар, калмыков, мордвы, немцев и других народов, которых здесь на волжском торговом пути всегда было полно, скорее всего, самарские красавицы и пошли.

– Фу, как прозаично все вышло. Я уж думал, что-то божественное опять услышать, а вы о путанах – с деланным расстройством сказал Подгорный, – А почему, Иван, ты самарский пляж знаменитым назвал?

– У нас на фирме часто в Самару летают. Командируют кого-нибудь раз в квартал стабильно. Здесь же, если помнишь, находится один из самых крупных авиазаводов. Многие коллеги, кто тут побывал, всегда отмечали две главные достопримечательности города – это авиазавод и пляж. Пляж, на самом деле, здесь очень уютный, большой, и красивый. А может быть тебя сегодня туда сводить, чтобы не к нам с вопросами приставал, а к самарским девчонкам? Саня, далеко отсюда будет до пляжа?

– Нет. Берегом километра два. Сейчас шашлык поедим и можем прогуляться. Там летом всегда много народу и весело.

– Вот и чудненько. Шашлык уже поспел. Поднимайте свои задницы, буржуи, – начал распорядиться Кузнецов, – Паша, лук готов?

– Ну а ты как думал, я здесь басни Сашки с разинутым ртом слушал что-ли? И лучок за это время замариновал, и даже помидорки с огурчиками под ваши споры порезал.

– Благодарь, – сказал, прищуриваясь и улыбаясь кончиками губ, Бурашев, – Все-таки я уже перестаю жалеть о том, что вы приехали. И поболтали хорошо и шашлык чудесный приготовили. Приезжайте чаще, мужики. Гы-гы-гы.

– Ах ты, паразит, так ты не рад что-ли нам? – с игривой обидой спросил Подгорный.

– Шашлыку рад, помидорчикам и огурчикам рад, пиву холодному тоже рад, а вам с Иваном – ну просто очень рад, – засмеялся Бурашев.

– То-то же. Только ты сильно не расслабляйся, – сказал с улыбкой Подгорный, – Увел, понимаешь, тихонько разговор в сторону, запел о пляже, о девочках и думал я от тебя отстану, да? Мне уже к счастью не 25 лет, так что давай опять про биржу рассказывай, мне, действительно, эта тема интересна. Дома я про нее, конечно, подробно почитаю, но ты все таки сейчас расскажи – причем здесь божественный ряд Фибоначчи на фондовом рынке?

– Так мы тебе с Иваном уже полчаса втюхиваем, что божественная пропорция Фибоначчи есть везде, может быть даже в этой палочке шашлыка, хотя данный шашлык и сделан не Богом, а просто Иваном, – хмыкнул Бурашев.

– Ага, лучше давайте тогда, не на шашлыке линии Фибоначчи будем искать, а то, что от него завтра останется. Вон под ту яблоньку предлагаю вечером сходить по нужде, а с утра там

собираемся, приносим с собой линейку, циркуль, калькулятор, ручку с тетрадкой и начинаем проводить исследования, – захохотал Иван.

– Ну, вот надо же так все опозлить, – сказал с кислым лицом Павел, – Взял и аппетит перебил. Нет, ты был прав, Саня, действительно у Ивана слишком большие уши. Но меня все равно с праведного пути вам не сбить ни шашлыком, ни тем, что от него останется. Давай-давай, рассказывай дальше про биржу.

– Ох, какой же занудный генеральный директор попался, – улыбнулся Александр, – Бедные твои подчиненные с уборщицей и водителем вместе взяты. Ты же всех их достанешь. Ну, да ладно! Слушайте дальше, хлопцы. Итак, некий американец по имени Эллиотт в 30-х годах занялся графическим анализом цен на бирже и вскоре предположил, что раз за котировками стоит масса людей, то она, как все в этом мире, подвержена циклам с золотым сечением. Американец подумал, что у большинства людей на бирже при подходе цены акции к линии Фибоначчи должен подсознательно сработать импульс на качественное изменение, в результате которого игрок будет либо продавать, либо покупать ценные бумаги. Надо сказать, что временем теория Эллиотта проверена и считается одним из постулатов работы на рынке.

– Вот даже где видна рука Господа! Даже на движении цены акций на бирже, – усмехнулся Иван.

– Это ты зря, так скептически говоришь, – проговорил Александр, – Мы ведь многое еще в природе не понимаем и не знаем. Можем ее только чувствовать, а не анализировать. Не зря говорят, что часто первые, пришедшие на ум решения, являются самыми правильными. Может быть это потому, что большую долю в таких решениях играет подсознание, в котором на генетическом уровне хранятся знания и опыт тысячелетий.

Наступила пауза. Все с аппетитом ели ароматный шашлык. Поочередно прыскали на мясо уксусом, посыпали его красным перцем, поддевали шампурами замаринованные кольца лука.

– Вах-вах-вах, какой запах, – сказал Павел, поднеся к носу палочку с шашлыком. Глаза его при этом прищурились от наслаждения, а на лице заиграла улыбка блаженства, – Как же здесь хорошо у тебя, Саня. Очень душевно.

– Ну и как? Мясо прожарилось? – поинтересовался Иван отзывами о своем детище.

– Вкуснятина, – искренне ответил Бурашев, потянувшись за сочной долькой помидора, – А может, ну ее эту машину? Оставайтесь на лето. Каждый день шашлык-машлык, Волга, пляж. Денег, если машину не покупать, до осени хватит. Гы-гы-гы.

– Не, я не останусь. Вы же здесь своими умными разговорами мне покоя не дадите, – сказал Павел, пережевывая большой кусок мяса, – Я думал, что хоть в Самаре мозгами отдохну, на пляже позагораю, девчонок погляжу, а вы меня опять чем-то неопознанным и необъяснимым грузите.

– Кстати, о пляже. Так мы сегодня прогуляемся до него или нет? – спросил Кузнецов, – Завтра уже некогда будет, надо за машиной в Тольятти ехать, а после покупки без особых промедлений хотелось бы домой рвануть. Непонятно, что в дороге может случиться, а через три дня мне уже на работе надо появиться.

– Ну, так, в чем же дело? Доедаем шашлык и вперед на пляж – любоваться самарскими красотками, – задорно ответил Бурашев.

* * *

Не прошло и полтора часа, как трое друзей уже спускались к Волге по узкой улочке, идущей между домами. Большинство зданий было старой постройки. Крашенные деревянные стены давно выцвели. Заплесневелый шифер на крышах в некоторых местах потрескался. Штакетник вдоль дороги наклонился и стал трухлявым. Сады запущены, а участки заросли

травой. Но иногда на улице попадались новые большие кирпичные дома, двух и трех этажные, огороженные высокими, каменными или железными заборами с коваными воротами. Над ухоженными живописными участками, скорее всего, потрудились специалисты ландшафтного дизайна, сотворившие свое маленькое чудо на крохотном клочке земли в шесть-восемь соток.

Бурашев любил прогуливаться по этой улице и осматривать новые дома. Обожал любоваться беседками, стоявшими посреди елочек, туй, яблонь и цветов. Часто замирал от красоты виноградника, который обволакивал вход в дом или навес для машины и создавал ощущение гармонии строения с природой. Александр мечтал, что у него когда-нибудь появится возможность купить или построить новый большой дом, в цокольном помещении которого будет тренажерный зал и баня, выходящая к открытому бассейну с тыльной стороны здания. Бассейн обязательно должен быть с подсветкой, позволяющей видеть, как плавает человек в темное время суток. Именно плавающая ночью в бассейне стройная и красивая жена, которая после купания заворачивалась бы в светло-розовый халат и подходила бы к нему, сидящему в соломенном кресле и пьющему горячий фруктовый чай, представлялась Александру атрибутом его личного блаженства. Семейное счастье – это когда радость может быть безо всякой причины, просто так, потому что тебе спокойно на душе, комфортно и тепло. Потому что любишь милую и добрую женщину и любим ею. Потому что волны очень романтично плещутся в бассейне, а позади него стоит большой каменный надежный дом с камином и высокими окнами в столовой, из которой так уютно смотреть на первый снег, покрывающий белым слоем каждую веточку яблонь или наблюдать за тем, как кружит низко над землей осенний ветер опавшую листву клена. Или слушать, как проливной холодной ливень шумно бьет о каменную садовую дорожку и барабанит множеством капель по водной глади бассейна. И счастлив еще потому, что в доме спит плод твоей любви – девочка, похожая на маму не только чертами лица, но и мимикой, жестами, движениями, походкой и даже характером. И ты играешь с этим ребенком на земле, где каждый квадратный метр хранит твою любовь и заботу, твой труд, твои раздумья, твои мечты о благоустроенной территории со своим микроклиматом. Где легко дышится, где сердце стучит спокойно и где ночью над головой нависает бездонное черное звездное небо, а вдали слышен протяжный, но не грустный гудок парохода.

Бурашев не спеша спускался по заросшей травой и кустарником улице, ведущей к Волге. Перекинув круглые головки через заборы, кое-где выглядывали на дорогу ярко-желтые подсолнухи. Спуск к реке был довольно крутой, да еще с кочками и ямами, поэтому там очень редко проезжали машины. Александра радовало, что на их улице все чаще и чаще стали появляться новые красивые дома. Старые деревянные срубы либо реставрировали, либо сносили полностью и на их месте воздвигали кирпичные коттеджи. Бурашев радовался за новых хозяев, даже не зная их в лицо. И не было никакой зависти. Ему было просто приятно осознавать, что его город богатеет и становится краше. Важно, что такой недвижимости в Самаре становилось все больше и больше, и Саша надеялся, что когда-нибудь он тоже станет хозяином добротного особняка.

Друзья Александра не так внимательно смотрели по сторонам, потому что были в душе городскими жителями, и их совсем не прельщало будущее, в котором они жили бы в частном секторе. Павел с Иваном шли немного впереди Бурашева и о чем-то тихо беседовали, не отвлекаясь на уличные живописные достопримечательности.

«Тарапунька и Штепсель» – усмехнулся Бурашев, смотря на товарищей и сравнивая их с известными в прошлом телевизионными юмористами. Паша был высокорослым парнем, почти на голову выше Ивана. Оба в детстве ходили в спортивные секции. Павел много лет занимался конькобежным спортом, что наложило отпечаток на его походку и осанку – он сутулился, шел широким шагом, не выпрямляя полностью колени, и тянулся при ходьбе не вверх, а вперед. Иван тоже в молодости занимался спортом, но совсем в другой ипостаси – был шахматистом. С юности невысокий по сравнению со сверстниками, Кузнецов всегда держал осанку, тянулся

кверху, чтобы максимально использовать свой рост, а в ходьбе при каждом отталкивании поднимался на подъем стопы, отчего его шаг казался пружинистым с заметными колебаниями вверх-вниз. Так и шла по улочке эта парочка – высокий полноватый блондин с приземистой, шаркающей походкой и низкорослый, стройный, прямой как лом и подпрыгивающий на каждом шаге, брюнет с залысинами на лбу и затылке. Смотрелось забавно. Бурашев заулыбался, наблюдая за ними со стороны.

Спустившись к реке, друзья пошли вдоль берега, иногда перепрыгивая большие лужи, оставшиеся после приливной волны. Часто на их дороге попадались перевернутые лодки, на которых местные мужики рыбачили, уплывая на моторках за пределы города, туда, где вода в реке чище, воздух не так загажен смогом и нет надоедливого городского шума.

Километра полтора друзья шли по грунтовой дорожке, петляющей между лужами, как змея. Людей по пути не встретили, но соскучиться по цивилизации не успели, потому что даже на дальнем расстоянии до них доносились музыка с пляжа и песни артистов из народа, желающих похвастать в караоке своими вокальными данными и музыкальным слухом.

Через двадцать минут ходьбы на пути друзей попало невысокое гранитное ограждение, забравшись на которое, парни сразу очутились на широком песчаном пляже, уходящем вдаль на три-четыре километра и сливающимся в сумерках с рекой. Несмотря на поздний вечерний час на пляже еще были отдыхающие. Кто-то лежал на покрывале, кто-то сидел на деревянных скамейках, а кое-кто под электрическим уличным освещением пытался играть в волейбол.

– Давайте чуть пройдем вдоль реки по песочку до того тротуара, а потом поднимемся вверх по склону, – предложил Бурашев, указывая кивком головы вперед, – Сейчас народ в основном на террасах зажигает, там – свет, музыка, караоке, открытые кафешки, шашлык-машлык и прочие мелочи городского счастья.

Друзья согласились с Александром и прошли немного вдоль реки, а потом вышли по ступенькам на нижнюю террасу, посередине которой был разбит красивый цветник. Он простирался как разделительная полоса между широкими асфальтированными дорожками, по которым часто проезжали на роликах молодые парни и девушки, а иногда потихоньку, взявшись за руки, катилась вся спортивная семейка – мама, папа, сынок или дочка. На цветнике встречались клумбы различной конфигурации с розами, пионами, тюльпанами или фиалками. По краям живых разноцветных ковров иногда стояли бетонные тумбы или железные сварочные конструкции с цветущими почти на протяжении всего лета петуниями. Терраса, по которой шли ребята, находилась на высоте примерно восьми метров над уровнем воды в Волге, поэтому парни с интересом рассматривали сверху пляж и особенно внимательно выглядывали девушек. Смеркалось, но контуры людей на пляже были еще хорошо видны.

К своему разочарованию, одиноких представительниц прекрасного пола, пройдя первые двести метров, парни не встретили и остановились у одного из шатров – небольшого рестораника с открытой площадкой.

Взяли себе по кружке живого пива и заняли один из деревянных столиков рядом с парапетом террасы, откуда с одной стороны открывался отличный вид на реку и пляж, а с другой – виднелся крутой подъем с лестницей, ведущей к одиноко торчащей над деревьями, гостинице. Намного выше, на гребне холма начинали уже загораться окна жилых домов.

Стемнело, и почти сразу умолкли птицы. Или их не стало слышно из-за возросшей трели сверчков. Катающиеся на роликах незаметно исчезли. Террасы освещались, но в некоторых местах фонари были разбиты, что делало пешеходные дорожки непроглядными, с темными уголками, и это способствовало романтическому настроению. Казалось, что в каждом скрытом от глаз, уголке стоит скамейка, на которой сидят двое влюбленных и вполголоса разговаривают или молча целуются под нависшими над ними гроздьями сирени. Вся окружающая обстановка летнего, теплого выходного вечера вблизи красавицы реки, среди запаха многочислен-

ных цветов и пения сверчков наводила на любовные раздумья. И каждый из друзей, наверняка, подумал о том, как было бы хорошо посидеть в этом чудном уголке с красивой девушкой. Посадить ее на коленки, обнимать и заговорщицки шептать друг другу на ухо какую-нибудь чепуху, наслаждаясь тембром голоса, запахом волос, красивым профилем и блеском глаз очаровательного существа.

Друзья были холостяками. Причем, с большим стажем. Иван, к тому же, пережил недавно безответную любовь и залечивал сердечную рану. Парни просидели несколько минут в тишине, поглядывая вниз на пляжный песок, на водную рябь, да на огни, появляющиеся вдали, на противоположном берегу. Бывало и раньше, что ребята, предварительно не сговариваясь, вдруг умолкали, каждый думая о своем, и затянувшаяся пауза никогда никого не тревожила. Наконец, Кузнецов первым очнулся от грез и обратился к товарищам.

– Саня, мне это кажется, или я чересчур много пива сегодня выпил и галюлики начались? По-моему, вода в реке, блестит? Или я ошибаюсь?!

– Ты и пива перепил, и шашлыка переел, но вода все же блестит не из-за этого, – улыбнулся Бурашев, – А просто Волга сейчас цветет.

– Что значит, цветет? – уточнил Павел.

– Это сине-зеленые водоросли так активно летом размножаются. Вот их частички и блестят в реке, – ответил Александр, – Выходишь вечером после купания и весь блестишь от продуктов размножения водорослей. Экологи пишут, что нашествие этих растений стало следствием промышленных сбросов и, что очень много стало дамб и плотин на Волге из-за чего вода становится не такой проточной, как была раньше.

– Как будто раньше Волга была горной рекой с быстрым течением. Хе-хе-хе, – подтрунил Павел.

– Не горной, но течение в ней было намного сильнее, – парировал Бурашев, – В местной газете недавно прочитал, что раньше вода текла от Ярославля до Астрахани за месяц-два, а в наше время – полтора года. Как они это исследовали – не знаю, но вывод ошеломляет. Представляете – полтора года вода течет по этой реке!

– Ничего себе, какая Волга длинная?! – удивился Павел, – Значит, говоришь, если бы в старину выбросили бревно в реку где-нибудь около Ярославля, то оно бы сюда добралось бы за два месяца?

– Ну да. И то, заметь, так было раньше, когда вода текла намного быстрее. А сейчас около каждого областного центра понастроили плотин, и бревно от Ярославля будет плыть намного дольше. Течение стало медленнее, а в запрудах везде стоячая вода, в которой быстро водоросли и приютились. Пишут, что они, разлагаясь, потребляют кислород, а выделяют фосфор и еще какие-то токсические вещества, опасные для рыб. Самарские власти собираются на следующий год поставить мелко – зернистую сетку и огородить этот пляж от водорослей, но что из этого получится, пока непонятно. На самом деле, это можно назвать экологической катастрофой, потому что водоросли размножаются с каждым годом все больше и больше, и некоторые заливы Волги уже в болота превратились. Кстати, это проблема не только Самары, но и Волгограда, Саратова и многих других городов Поволжья.

– Да, грустная история, – сказал Иван, – такая красивая река и в болото превращается. А человеку сейчас можно купаться или это вредно?

– У нас купаются, хотя и меньше, чем до цветения воды. О вредности водорослей для кожи я не слышал. Неприятно только плавать среди травы, – ответил Александр, – А что, тянет в воду? Хочешь испугнуться?

– Да я бы с удовольствием. Душноватый вечер сегодня. Можно и освежиться, – сказал Иван, – Только плавки с собой не взял.

– А мы найдем местечко, где можно Адамчиками. Так даже интереснее будет. Да и водорослей мож поменьше пристанет. Постесняются, небось, приставать к голому мужчине, – сказал Бурашев.

– Ага. А вдруг, наоборот, они у вас голодные, да как набросятся на самые важные мужские причиндалы, – усмехнулся Кузнецов.

– Судя по твоей логике, Ваня, водоросли будут усиленно висеть именно в тех местах, которые должны быть спрятаны в плавки. Хе-хе-хе, – рассмеялся Подгорный.

– Паша, не употребляй вместе, пожалуйста, слово «висеть» с теми местами, которые у меня спрятаны в плавки. О себе так говори. А обо мне не надо, – самодовольно пошутил Иван.

– Фу, как ты только, Паша, мог подумать, что у нас могут быть такие вульгарные растения. Это ваши питерские финско-балтийские водоросли вульгарные, а наши самарские волжско-русские – скромные, – подхватил шутку Бурашев, – Они по всему телу равномерно распределяются, так как кроме порочных мыслей у них еще и платоническая любовь к человеку имеется.

– Ладно, пойдем, проверим это на практике. Допивайте и вперед – темноте и реке навстречу, – Подгорный залпом допил пиво и выразительно посмотрел на друзей, приглашая их быстрее последовать его примеру.

Спустя двадцать минут Александр завел своих гостей в самый дальний уголок пляжа. Там было тихо и темно. Солнце скрылось за горизонтом, и резко наступила непроглядная южная ночь. Ничего не было видно на расстоянии десяти-пятнадцати шагов.

Бурашев снял с себя всю одежду, положил ее на скамейку и с возгласом «Гардемарины, вперед!» разбежался, сделал несколько шагов по воде, запнулся из-за того, что не смог на глубине перенести ногу и свалился в реку.

Друзья не заставили себя долго ждать – быстро разделись, и тоже, пробежав немного, запнулись и шлепнулись в воду.

Отплыв от берега метров на пятнадцать и очутившись в месте, где было неглубоко и можно стоять на дне, парни начали резвиться, барахтаться, запрыгивать друг другу на плечи, бороться, поднимать соперника на руках, отрывая от поверхности воды и затем резко перебрасывая через голову. Загорелые тела сливались в темноте с водой, и лишь белые ягодицы какого-нибудь ныряльщика ярко проявлялись на однородном черном фоне.

Устав от борьбы, Александр решил отдохнуть и пошел к берегу. Он уже вышел из реки по пояс, когда услышал разговоры людей, идущих в его направлении. Бурашев присел на корточки, и над водой осталась торчать лишь его голова. Он постеснялся дальше выходить на берег, потому что четко уловил приближающиеся женские голоса. Александр решил переждать в воде, пока нежданная компания пройдет мимо. Но, к его ужасу, неожиданные гости, не дойдя нескольких метров до скамейки, на которой лежала одежда парней, расстелили на песке покрывало и расположились на нем всей гурьбой. Павел с Иваном тоже услышали голоса и тихо подплыли к Александру.

– Что будем делать? Там девчонки, – шепотом спросил Бурашев друзей.

Три головы, торчащие из реки, замерли на месте, как перископы подводных лодок, следящих за перемещением противника на берегу.

– А что делать? Мы здесь минут через десять замерзнем, а они, похоже, надолго пришли – на гитаре сейчас, не дай Бог, начнут еще наяривать, – шепотом сказал Павел.

– Давайте, тогда жребий кидать, кто к ним на переговоры пойдет? – с ухмылкой предложил Бурашев.

– Неее. Зачем жребий? Пусть Кузнецов идет, – сказал Подгорный.

– А что это вдруг Кузнецов? Я что, лысый, что ли? – с легким возмущением спросил Иван.

– Ну, во-первых, да. Ты из нас самый лысый. А, во-вторых, ты пойми, Иван, что Сане нельзя выходить, он в этом городе живет. Вдруг узнают его. Потом сплетни пойдут о размерах его достоинства и все такое. Хе-хе-хе, – еле слышно засмеялся Подгорный.

– Тогда сам иди. Ты же не из Самары, тебя никто не узнает, – предложил Иван.

– Неееа. Лучше все же тебе пойти. Я ростом выше, у меня хозяйство больше, сразу заметят, что я голый, – улыбнулся Павел, – А ты маленький, с небольшим писунчиком, может быть, тебя девчонки и не заметят. Хе-хе-хе.

– Это у тебя небольшой писунчик. А у меня – нормальный. Подружки не жаловались, – возмущенно, но тихо ответил Кузнецов, чеканя каждое слово, как на защите докторской диссертации.

– Да они просто расстраивать тебя не хотели и притворялись, – продолжал шутить над другом Павел, – А, может быть, им просто сравнить было не с чем. Вот познакомь их со мной, потом посмотрим – с кем твои подружки останутся.

– Хорош подкалывать друг друга. Короче, сыграем на руках и определим – кому из нас выходить за одеждой. А то я уже замерз, пока вы здесь базарите, – прошептал Бурашев, – Как в детстве жребий кидали, помните? Бочка побеждает ножницы, потому что они тонут в воде. Ножницы побеждают бумагу, потому что ее разрезают. А бумага побеждает бочку, потому что не тонет. Выбрасывайте фигуры сначала между собой, а потом я с проигравшим сражусь. Все должно быть по-честному, поэтому я тоже участвую.

Павел с Иваном на счет «Раз-два-три» кистью выбросили фигуры. Подгорный показал сжатый кулак, что обозначало бочку с водой, а Кузнецов – раскрытую ладонь, означавшую лист бумаги.

– Класс! – быстро и радостно прошептал Иван, – Вот иди теперь на берег и покажи девчонкам – какие галантные кавалеры живут в культурной столице России. Ээээээ, – тихо заблеял Иван.

– Давай, Паша, теперь со мной сыграй, – тихо сказал Бурашев.

Бурашев не ожидал, что его друг стал таким консервативным – Павел вновь показал на руках бочку с водой. И Саша утонул в ней со своими тяжелыми железными ножницами.

– Ты что, замерз совсем? Кулаки разжать не можешь? – сказал с кислой улыбкой, раздосадованный проигрышем, Александр.

– Неее. Я просто забыл, какие еще фигуры можно выкидывать. Хе-хе-хе, – тихо засмеялся Подгорный.

– А может не надо тебе выходить, Саня? Давай, мы с Пашкой еще раз сыграем, и кто-нибудь из нас пойдет? – серьезно предложил Кузнецов, – Действительно, вдруг попадется кто-либо из знакомых – засмеют потом.

– Ну, если попадутся знакомые, тогда я сначала к ним подойду, руку протяну, поздороваюсь, как у нас принято. Правда, сомневаюсь, что все мою руку будут пожимать. Гы-гы-гы. Поговорю немного о том, о сем, а потом уж к вещичкам своим тронусь. Так что вы молитесь, черти, чтобы знакомых у меня в этой компании не было, и я сразу бы одежду забрал и ушел. А то пригласят с ними посидеть, побалакать, старое вспомнить, пивка выпить да воблу погрызть. Тогда, чай, замерзнете здесь совсем, хлопцы, – заулыбался Александр, – Ладно, я пошел. Если не вернусь, считайте меня коммунистом. Встречаемся правее, ниже по течению. Я к берегу метров через тридцать отсюда подойду.

Бурашев решительно поднялся из воды в полный рост и пошел к компании, тесно разместившейся у самого берега.

– Привет честному народу, – громко и уверенно сказал Бурашев, выйдя на берег. В темноте Сашу почти не было видно, но на всякий случай, он закрыл свой срам руками.

– Здравствуйте-здравствуйте, – приветливо ответила девушка, сидящая ближе всех, а потом наполовину догадалась, наполовину увидела, что незнакомец абсолютно голый, радостно воскликнула и засмеялась – Ой, а вы откуда такой красивый?!

– Ребята, вы уж извините, Бога ради, за мой костюм, – серьезно сказал Бурашев, – Русалки, в реке напали. Еле отбился. Но одежду они все-таки с меня стащили.

– Все остальное точно в целости? Ничего не пострадало, кроме вещичек? – спросил вызывающе мужской голос, и две девушки сразу захихикали.

– Бурашев на миг остановился. С озадаченным лицом осмотрел свое тело, похлопал по бедрам, потом по ягодицам и ответил серьезно, – Все, остальное вроде бы на месте.

Теперь уже не только девушка, но и вся ошарашенная четверка вспрыснула и громко рассмеялась, удивляясь находчивости и смелости речного гостя.

Никто из них в темноте не увидел, как густо покраснели щеки Александра от стыда, но больше ничего в его внешности не выдавало волнения, наоборот, голос был тверд, а движения уверенные.

– Извините, за беспокойство, у меня просто здесь вещи остались. Я в воде несколько минут просидел и замерзать начал, – сказал Бурашев, – Я сейчас одежду возьму и сразу уйду. Извините, еще раз.

– А, может, к нам присоединитесь? – не утихала девушка, – У нас есть что выпить, чтобы Вам согреться и не простудиться.

– Благодарю, но меня друзья ждут.

– А где они? На них тоже русалки напали? – оживилась девушка, – Ой, я тоже хочу купаться.

– Я тебе покупаюсь, – сказал с нарочитой серьезностью один из парней, – Ты же без купальника.

– Ну и что?! Здесь так принято купаться. Вон, сам посмотри, как здесь взрослые люди плавают, – задиристо ответила девушка, – А Вы завтра вечером опять сюда придете? – крикнула она вслед уходящему Бурашеву.

– Может быть. Надену водолазный комбинезон и приду, – громко ответил Бурашев.

– С водолазным костюмом не интересно, – обиженно произнесла барышня, – Вот, если бы как сегодня.

– Что ты к нему пристаешь? – спросил парень из компании.

– А ты мне не муж, чтобы указывать к кому приставать, а к кому нет, – специально громко, чтобы ее услышал Бурашев, ответила девушка.

Разговоры продолжались, но Александр уже не разбирал слов. Через некоторое время он подошел к берегу и крикнул:

– Эй, американские морские котики, вы где?

– Мы здесь, сэр. Параллельным курсом плывем, – раздался в ответ голос Подгорного.

– Эх, жалко, что завтра домой надо уезжать. А то бы я пришел сюда искупаться в надежде встретить эту бойкую девчушку, – сказал Павел, – Чувствуется, что ты ей понравился, Санек, и она завтра сюда непременно одна или с подружкой подкатит. Не хотел бы с ней поближе познакомиться?

– Паша, я думаю, что такие девушки не с подружками ходят, а с друзьями, – ответил Бурашев, – А потом, мне кажется, что она создана для всех мужчин сразу, а не для кого-то одного. А я уже старый и серьезный человек. И мне нужна такую, которая была бы только для меня – скромную, застенчивую, верную, и не приставучую к незнакомым голым мужикам.

– Ханжа, ты Саня, – сказал Подгорный, – А мне, наоборот, нравятся раскрепощенные, веселые, и даже немножко вульгарные девчонки.

– Каждому – своё, – сказал Бурашев.

– Я бы сказал по другому – каждому своя, – усмехнулся Иван, и парни оценили негромким смехом игру слов.

Одевшись, друзья поднялись на террасу и вскоре вышли на цветочную аллею. Настроение после купания с приключениями было отличное. Воздух ласкал теплом, запахом свежескошенной травы и выброшенной на берег тины. Издали доносилась музыка открытого кафе, но она не заглушала плеска волн, накрывавших песок после прохождения крупной баржи.

– Смотрите, какой красавец, – кивнул Иван в сторону реки.

– Да, чудесный кораблик, – сказал Павел.

По Волге проплывал огромный для речного флота четырехпалубный пароход. В длину он превышал сто метров. С берега виднелись большие квадратные окна кают, расположенные вдоль каждой палубы и светящиеся круглые иллюминаторы, наклепанные по борту немного выше ватерлинии. На корме третьей палубы шла дискотека. Танцплощадка мигала разноцветными лампочками. Играла медленная музыка, и часть пассажиров теплохода кружилась парами, а часть сидела на высоких стульях в баре и вдоль перил за столиками. Были и такие, кто стоял у парапета на самом верху судна, на четвертой палубе и смотрел на берег, любясь мерцающим ночным городом и длинным освещаемым пляжем с цветочными террасами.

– Этот, наверное, из Москвы идет? – сказал Иван, – У нас с Северного Речного вокзала пароходы отходят по разным маршрутам. Мои знакомые там часто туры покупают. Один раз плавали на север, по каналу им. Москвы до Питера и дальше до острова Валаам в Ладожском озере. А второй раз – на юг, до самой Астрахани и обратно. Всю Волгу посмотрели с остановками в крупных городах. Остались в полном восторге. Кипятком писали.

– А какой им маршрут из двух больше понравился? – спросил Бурашев.

– На севере сказали, было интереснее. Но, может из-за того, что летом на юге, по их словам, было очень душно. А по красоте мест – и там, и там есть что посмотреть. Говорили, что Волга такая разная. Утесы, заливы, церкви, старые деревни на холмах. Но везде им понравилось.

– Эх, я бы с удовольствием проплыл бы всю Волгу от истока до дельты, – сказал Подгорный, – А давайте на следующее лето так и сделаем? Соберемся в Москве и проплывем до Астрахани в один конец. У меня там дружок есть, так он организует в придачу и рыбалку в протоках Волги. Может быть, даже Каспийское море увидим. Свежей рыбки пожарим, икру поедим на чистом воздухе среди камышей. Романтика, блин! Давайте, а? Нет, правда, давайте сплаваем от начала до конца? Что-то я аж загорелся этой идеей.

– Мне идея тоже по вкусу. Я лично с удовольствием и в любое время, – поддержал предложение Бурашев, – Работаю на себя, так что временем свободным располагаю. Сообщите только дату заезда.

– А я не смогу, к сожалению, – сказал Кузнецов, – Посмотрел бы Волгу на всем ее протяжении и порыбачил бы в дельте под Астраханью с превеликим удовольствием, но билеты на такой пароход стоят от тысячи до полутора тысяч баксов на человека. Можно в Италию или Францию съездить за такие деньги.

– Да, ладно, Европу ты еще посмотришь. Там интересно, конечно, но это другой отдых, – быстро парировал Павел, – На пароходе, естественно будет не так комфортно, как в крутом отеле на берегу Средиземного моря, но свою страну проплыть с севера на юг, да еще в компании старых закадычных друзей с веселыми подругами будет не хуже, я тебе это гарантирую.

– Я согласен с Арамисом, – улыбнулся Александр, ожидая ответа Ивана.

– Ты, Паша, конечно же, прав. Но у меня еще и материальные затруднения. Кредит за квартиру еще 5 лет выплачивать. Все свободные деньги завтра в покупку машины вложу. Не до турпоездки мне сейчас.

– Да мы заплатим с Саней за тебя. Отдашь потом, когда сможешь, хоть через пять лет, хоть через десять – продолжал уговаривать друга Павел, – Пока детей нет и мы более-менее свободны в передвижениях, надо нам смотаться в это плавание.

– Нет, я в долг не хочу брать, пока не расплачусь с кредитом. Спасибо, парни, за предложение и доверие, но я пас.

– Блин, вот упрямый какой, – расстроился Подгорный, – Каким был раньше, таким и остался. Как баран в новые ворота упрется – ничем его не сдвинешь.

– Ну, хорошо, Иван, – сказал серьезно Бурашев, – Теплоход для тебя – это дорогое удовольствие. Тогда давай на байдарках, на ялах или на лодках по Волге проплывем. Пару дней вверх по течению, там ночевка, а потом можно за один день вниз спуститься. Такой поход на три-четыре дня получится совсем даже недорогим.

– Нее, – быстро отреагировал Подгорный, – против течения Волги грести на жаре два дня, это не отдых. Это не для меня. На пароходе классно, а на лодках по широченной реке – что здесь интересного. На лодках надо плавать по узким речушкам – там намного прикольнее.

– Меня другая мысль посетила, – вдруг оживился грустивший Иван, – А давайте проплывем на байдарках по нашему Вятскому краю? Я несколько раз ходил в такой поход. В последний раз два года назад. Всегда с радостью вспоминаю такие деньки. Скоро поеду на родину, к родителям в Киров, разузнаю там все про поход и отпишусь вам. Можно будет на майских праздниках сходить на три дня. Палатка, гитара, звездное небо над головой и кругом тайга – это же здорово. Вы не пожалеете, уверяю. И, что немаловажно для меня, расходы будут минимальные.

– Я и здесь не против, – сказал Бурашев, – К тому же, Паша, мы можем с тобой в мае на байдарках по тайге поплавать, а в конце лета – в твой отпуск на теплоходе по Волге спуститься.

– Уговорили, черти красноречивые, – Павел положил свои руки на плечи друзей, идущих справа и слева от него, потом с силой притянул парней к себе и, поджав ноги, повис над землей.

– Блин, тяжелый-то какой стал, – захрюхтел от веса Иван, – Не дай Бог, ногу подвернешь в тайге, я тебя на себе не поволоку. Бери с собой тогда в поход бабу, которая и коня на скаку остановит, и тебя из леса на руках вынесет.

– Итак, тогда предварительно стрелку забили, – сказал Бурашев, – В начале весны надо будет созвониться или списаться, чтобы наверняка запланировать на майские праздники выезд в твою глухую Вятскую губернию.

Не спеша пройдя обратный путь по ночным городским улицам Самары, и получив от прогулки то удовольствие, которое молодые и здоровые люди получают от обычной несуетливой ходьбы в теплые летние месяцы, друзья, придя домой, сразу пошли спать. Утром ребята выехали в Тольятти и еще до обеда купили автомобиль. Вечером в Самаре скромно отпраздновали приобретение железного коня, и на следующий день еще до восхода солнца Бурашев проводил Павла и Ивана в долгий путь до Москвы. А спустя полгода Кузнецов написал друзьям, что договоренность о походе на байдарках в силе, что все уже организовано, и он ждет их 1 мая в Кирове.

Глава 2

Поход на байдарках

Вечером 1 мая Бурашев, Подгорный и Кузнецов пили чай с тортом на квартире в Кирове, делились последними новостями и обсуждали предстоящий поход на байдарках.

Квартира принадлежала родителям Ивана, которые, чтобы не стеснять гостей уехали на дачу, предоставив в полное распоряжение парней две комнаты.

К полуночи, обговорив планы на следующий день и проверив по списку, все ли из продуктов и вещей они собрали, друзья пошли спать. В квартире стояли широкая кровать и не раскладывающийся диван, в связи с чем, один из парней должен был лечь на диване в зале, а двое – на кровати в опочивальне. Бурашев, как всегда, чтобы все было по-честному, предложил сыграть в «бочку-ножницы-бумагу». На этот раз, выигравшим оказался Александр и друзья, оставив его в большой комнате, пошли отдыхать в спальню.

Саша мог просыпаться без будильника, с ошибкой в три-пять минут к тому времени, которое заранее перед сном для себя обозначил. Эту привычку он выработал за последние годы, с тех пор, как начал играть на фондовом рынке, и ему иногда было необходимо просыпаться рано утром, чтобы проанализировать ход торгов на азиатских биржах, влияющих в свою очередь на динамику российских акций.

Ровно в 7 утра Александр проснулся, открыл глаза, прервав интересный романтический сон, и поначалу не понял, где находится. Незнакомая обстановка и непонятные звуки несколько мгновений сбивали его с толку. Но он быстро вспомнил, что спит в зале на квартире родителей Ивана. Вот только никак не мог понять, что происходит в соседней комнате, из которой через открытую дверь доносилось сильное прерывистое дыхание. Кто-то методично, с равными промежутками времени с силой выдыхал воздух, как это делает человек занимающийся сексом. Именно на такую ассоциацию услышанного навел Александра его прерванный красочный сон. Однако, вспомнив, что в соседней комнате, на момент засыпания оставались только его друзья, Александр испугался своей мысли – а что если Иван да Павел вдруг ночью между собой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.